

РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК ФАКТОР ИММИГРАЦИОННЫХ ПРАКТИК ЭТНИЧЕСКИХ НЕМЦЕВ В ФРГ

Этничность российских немцев – это главный инструмент, обеспечивший их право на переселение в Германию и получение немецкого гражданства. Среди многочисленных факторов ее конструирования немаловажную роль играла и играет религиозность. Она, с точки зрения иммиграционных норм ФРГ, является одним из официальных маркеров принадлежности к немецкому народу. После переселения религиозность играет заметную роль среди факторов как социокультурной интеграции в немецкую нацию, так и конструирования ее внутренних границ. В данной статье делается попытка рассмотреть роль религиозности в конструировании идентичности этнических немцев, переселившихся в Германию из СССР и постсоветских государств. В основе статьи – фокусированные интервью, проведенные в 1999–2002 гг. в Билефельде, Гамбурге и Франкфурте-на-Майне.

Этничность и религиозность

Одни верят в Бога, другие верят в его отсутствие. И та, и другая вера – это сущность, являющаяся в разных формах. Слово, интерпретирующее сакральные явления, имеет тенденцию трансформироваться в социальные практики.

С одной стороны, однотипная интерпретация часто выступает как основа для действия центристских сил, интегрирующих единоверцев в своего рода социокультурные религиозные поля (см. Ильин 2000). Внутри этих полей существует культурная программа, опирающаяся на однотипную теологию и регулирующая с той или иной степенью глубины повседневную жизнь. Коллективные богослужения и прочие сопутствующие им религиозные практики (например, воскресные школы, празднования в семейном кругу) формируют социальные сети, интегрирующие членов одной общины. В рамках таких полей формируется если не язык, то своеобразный диалект, представляющий собой набор правил интерпретации знаков и символов окружающей реальности с точки зрения догматов данной конфессии, позволяющих отделить «добро» от «зла», «грех» от «праведности» и т.д.

С другой стороны, люди по-разному верят в Бога и по-разному его отвергают. Слова, различным образом интерпретирующие сакральные явления, материализуются в практики, разделяющие людей, формирующие границы между различными религиозными социокультурными полями. На их границах взаимодействие либо ослабевает, либо вообще исчезает. Люди ходят в разные церкви, а многие вообще не посещают подобные места. В результате их социальные практики направляются по разным маршрутам в социальном пространстве. Они празднуют разные праздники, не совпадающие по времени. И это означает процесс конструирования границы из материала социального времени. На границе полей прекращается действие религиозных культурных программ. Здесь «праведность» превращается в «грех», здесь очевидные для членов одного поля символы превращаются в нечто странное, смешное и непонятное. На границе происходит размежевание «своих» и «чужих», «нас» и «их».

Среди верующих доминирует представление о Боге как о строгом отце, который тщательно следит за соблюдением своими детьми мельчайших деталей ритуала и правил повседневной жизни. Ему глубоко не безразлично, часто просто болезненно обидно, что его дети не так крестятся (используют «неверное» число пальцев, например) или вообще не крестятся, неправильно отмечают праздники, едят и пьют не то, что надо, одеваются не так, как ему нравится, и т. д. И Бог, как строгий и мнительный отец, награждает своей милостью послушных и понятливых, наказывает нарушителей его воли. «Свои» правильно понимают волю Бога и правильно ей следуют. «Чужие» и понимают не так, и живут не так. Поэтому в земной жизни «мы» не «они», а «они» не «мы», хотя источник различий уходит в небеса, интерпретируемые на земле. Различия закрепляют верой в то, что только «наша» вера истинная, а все остальное – более или менее сильное заблуждение. Вера в правоту своей интерпретации воли Бога – характерная черта любой церкви. И хотя любая церковь претендует на роль носителя духовности, ведущей к единению, миру и взаимопониманию, в реальности она конструирует и воспроизводит границы между «своими» и «чужими», ибо право на всеобщую божью милость обычно оговаривается готовностью следовать его «истинно» интерпретируемой воле.

Религиозные социокультурные поля обладают сложной многоуровневой структурой. Макроуровень – это поля на уровне конфессий: католической, евангелистской, православной и т. д. Этот уровень во многих случаях тяготеет к глобальности – естественный результат мировых религий. Глобальные религиозные

поля обычно имеют четко очерченные и тщательно охраняемые границы. Однако центростремительные силы в них обычно очень слабы. Лишь католическая церковь, имеющая форму глобальной социальной организации во главе с Папой римским, представляет собой относительно интегрированное социокультурное поле. Средний уровень – это поля, формируемые национальными церквями, которые могут входить в глобальные общности или существовать самостоятельно (например, католическая церковь Германии). Этот уровень обычно достаточно сильно институционализирован. Эти поля имеют четкую и жесткую организационную структуру. Микроуровень – местные общины, приходы, формирующиеся вокруг конкретной церкви или молельного дома. Здесь институциональный каркас поля пополняется разнообразными межличностными связями, сетями.

Религиозное пространство относительно самостоятельно и обладает своей логикой воспроизводства и структурирования. Однако в той или иной мере оно взаимосвязано с другими типами социального пространства, в т.ч. этническим. А его деление на религиозные поля, приобретающие форму церквей и общин, в более или менее заметной мере совпадает с делением этнического пространства на этнические поля. Многие народы определяются через ту или иную конфессию, которая глубоко связана с национальной культурой. Хотя мировые религии полиэтничны по составу верующих, этнические границы частично совпадают с религиозными. Нередко религиозные поля совпадают с этническими на одних участках (православные русские и немцы – католики и евангелисты), но имеют открытые границы на других участках (католики – немцы, французы, поляки и т.д.).

На этнических границах религиозность часто выступает в качестве дополнительного маркера этничности. Чем конфликтнее этническая граница, чем больше угроза ее размывания, тем активнее используется религиозная граница для подкрепления этнического водораздела между «нами» и «ими». Отсюда широко известный парадокс усиления религиозности в условиях этнических конфликтов, иммиграции и вообще жизни в качестве национального меньшинства.

Нередко религиозные границы подкрепляются авторитетом государства, которое признает ту или иную конфессию как «подлинно национальную», «традиционную» для данного народа. В этом случае религиозная принадлежность может в определенной мере оказывать влияние на гражданскую идентичность.

Однако религиозная граница имеет свою логику и автономна по отношению к этничности. Поэтому нередко она, с одной стороны, укрепляет этническую границу, а с другой – игнорирует ее, рассекая единое этническое поле. В одних случаях это сугубо внутриэтническая религиозная граница, невидимая за пределами богослужения. Однако если данная граница опирается на сильную религиозность, ведущую к проникновению религиозных ценностей, норм и ритуалов в повседневную жизнь, то происходит ее этнизация, проявляется тенденция к формированию субэтнической общности.

Религиозность этнических немцев в СССР

Религия играла немаловажную роль в сохранении немецкого национального меньшинства в Российской империи и СССР. Немцы, иммигрировавшие в Россию в XVIII–XIX вв., принадлежали к разным христианским церквям: в основном к католической и лютеранской, меньшинство – к менонитской, потом часть приняла православие. Таким образом, немецкий этнос в России рассекался религиозными границами. Однако, за небольшим исключением, верующие немцы принадлежали к иным конфессиям, нежели окружающее их большинство. Поэтому граница, отделявшая немцев от русских, украинцев, казахов или киргизов, была одновременно и границей религиозных полей.

Конструирование двух этих границ часто тесно переплеталось. С одной стороны, забота о воспроизводстве этничности толкала немцев в «свою» религию, а с другой – обеспокоенность сохранением «истинной веры» требовала воспроизводства немецкой этничности. И чем больше индивид чувствовал себя немцем, тем с большей вероятностью он был членом одной из «немецких» конфессий.

Немецкие традиции, – как сказал один информант, – это христианские традиции, с религией связаны все эти традиции (64-02-D).

В России и СССР такие мировые конфессии, как католичество и лютеранство, приобретали в глазах и их сторонников, и посторонних наблюдателей преимущественно «немецкий» характер. Только в отдельных регионах (например, в Санкт-Петербурге) связь с этничностью приобретала поливариантный характер. Быть лютеранином в сибирской или казахской деревне с очень высокой долей вероятности означало и принадлежность к немцам. Если индивид не дорожил своей этнической принадлежностью, то не было и национальных мотивов обращения к Богу. И наоборот. Поэтому процессы национального и религиозного угасания и возрождения шли, как правило, параллельно. В то же время и власти действовали параллельно: антинемецкие этнические чистки совпали с периодом наиболее суровых преследований «немецких»

церквей. В период депортации и «комендатуры» люди, ориентированные на стратегии индивидуальной адаптации, уходили во имя социального успеха и от своей религии, и от своей немецкой этничности.

Нередко создавались нелегальные церкви (молельные дома), служившие очагами культурного сопротивления попыткам властей и немцев ассимилировать, и с религиозностью покончить. Здесь поддерживали и веру, и немецкий язык.

У ее дядюшки, - говорит переселенец-лютеранин, - на дому нелегально, каждое воскресенье была служба, дети все должны были ходить, родители не очень ходили, у них времени не было. Но прямо дома крестили несколько детей сразу. И это был праздник на весь поселок (37-02-D).

Там, где было компактное проживание немцев (обычно в отдаленных селах Сибири и Казахстана) создавалось сильное этническое немецкое поле, служившее благоприятной средой для формирования и религиозного поля.

Неверующих и не было, даже которые спивались и те верили. Это как-то естественно было. Там надо было жить, мы до такой степени там были связаны все, что даже любитель выпить должен быть знать свое место... Все праздники церковные встречали, но часть праздников мы не знали (37-02-D).

Во многих семьях Библия на немецком языке выступала в качестве ключевого символа и религиозной, и этнической идентичности. Ее сохраняли как реликвию даже в условиях депортации, когда разрешалось взять с собой очень ограниченный объем вещей. Ее берегли в суровых условиях трудовых армий, в поселениях, которые нередко создавались буквально в открытом поле.

Религия сыграла большую роль в сохранении немецкой этничности в условиях длительного проживания немецких колонистов вдали от Германии. Сам факт принадлежности к одной из «немецких» церквей напоминал о том, что и в центре России или даже в Сибири они являются частью большого немецкого народа. Библия на немецком языке, церковная служба на том же языке – все это были культурные нити, связывавшие с далекой Германией. В условиях репрессий религиозная практика стала убежищем угасающей национальной культуры. В городах, где немцы оказывались распыленными среди большинства, одновременно угасали и этничность, и религиозность.

Правительство ФРГ, организуя и стимулируя «репатриацию» этнических немцев в Западную Германию в годы Холодной войны, также использовало религиозность как маркер «немецкости», дающей право на выезд из СССР. В ходе собеседования с потенциальными переселенцами выяснялось, какие праздники и как они празднуют, посещают ли церковь и если «да», то какую. Поскольку большинство «немецких» праздников и традиций были прямо или косвенно связаны с религией, то для кандидатов на переселение доказательства религиозности являлись и доказательствами их права на выезд из СССР и лучшую жизнь среди «своих».

Поэтому не случайно, что параллельно шел всплеск и немецкого национального самосознания, и переселенческих настроений, и религиозности советских немцев сначала в СССР, а затем в постсоветских государствах. В одних случаях это было переплетение искренних, неосознанных, эмоционально окрашенных процессов. И люди не могут объяснить, как и почему они вдруг вспомнили, что они немцы и лютеране (или католики). В других – доминировал инструментальный подход: чтобы выехать, надо было сымитировать «немецкость», в т. ч. и с помощью религиозных доказательств. Такое переплетение не было исключительно немецким феноменом. Оно имело место у всех или почти у всех народов СССР, начиная со второй половины 1980-х гг. Особенностью немцев было совпадение религиозного и этнического ренессанса с эмигрантскими настроениями и планами.

Правда, в СССР немцы, как и другие народы, пережили процесс существенного падения уровня религиозности. По данным Wilkiewicz (1989: 37), лишь 32 % опрошенных советских немцев принадлежали в СССР к тем или иным религиозным объединениям. Ситуация сильно колебалась в зависимости от места проживания и от степени ассимиляции. В городах интерес к немецкой религии в советский период сильно упал, в селах с компактным проживанием немецкого населения часто, несмотря на массивную пропаганду атеизма, доминировали религиозные убеждения разной глубины. Большинство, особенно среди молодежи, не имело интереса к религии и в лучшем случае помнило о том, к какой конфессии принадлежали предки.

Как и в эпоху иммиграции в Россию, большинство верующих немцев в конце XX в. были лютеранами и католиками. Небольшая часть принадлежала к менонитской церкви. Те, кому нужно было общение с Богом вне связи с этнической проблематикой, порою выбирали ту церковь, которая была наиболее доступной. Такой чаще всего оказывалась православная церковь, но порою попадались и иные конфессии.

Переселение В 1970–1980 гг. началось переселение советских немцев в Германию. Структура переселенцев более или менее точно отражала структуру немецкого населения СССР.

Таблица

Религиозная структура переселенцев

Вероисповедание	1985 г.	1989 г.
Евангелисты-лютеране	48,5	36,1
Католики	24,3	21,5
Евангелисты-христиане/ баптисты	8,6	13,4
Менониты и другие члены «свободных церквей»	9,0	14,5
Члены других конфессий	1,0	2,0
Не принадлежащие ни к одной церкви	8,6	13,0

(Dietz 1990: 9).

Обращает на себя внимание очень высокая для жителей СССР доля членов тех или иных церквей. Это, видимо, объясняется тем, что переселенцы, стремясь обеспечить себе в глазах германских властей маркеры «немецкости», необходимые для получения разрешения на въезд в ФРГ, приписывались к тем или иным церквям. При этом основанием для такой самоидентификации была не столько собственная религиозная принадлежность, сколько положение в религиозной структуре старших членов семей.

Евангелисты и католики после переселения

Многие евангелисты и католики сохранили в СССР традиционные для Германии вероисповедания. Для них переселение означало начало жизни в среде, где их церковь имеет официальный характер, где быть лютеранином или католиком означает принадлежность к религиозному большинству. Крупнейшей церковью ФРГ является Евангелическая. В 1997 г. она насчитывала 27,39 млн членов, чуть меньше католическая – 27,38 млн (Aktuell 2000: 444–445). В этих случаях религиозная интеграция стимулировала также интеграцию этническую и национальную. Для этих переселенцев стремление «жить немцем среди немцев» (распространенный вариант ответа, использовавшийся в опросах, направленных на изучение мотивов репатриации) означало жизнь католиком среди католиков, евангелистом среди евангелистов.

И власти ФРГ использовали религиозную интеграцию как инструмент интеграции национальной. В процессе оформления переселения порою происходило механическое приписывание кандидатов к той или иной церкви. Верующие просто указывали свое вероисповедание. Те, кто давно забыл о вере, пытались вспомнить, к какой церкви принадлежали их дедушки и бабушки. Если кандидатам на выезд ответить на такие вопросы было сложно, то это могли сделать и без них. Так, молодая женщина, крестившаяся в 20 лет вместе со своим ребенком в православной церкви (иной просто не было), рассказывает:

Вообще, мы всегда считались католиками, когда я сюда приехала, мне поставили в документах evangelische, но, я думаю, здесь это особой роли не играет... Мне вызов уже так пришел. Когда я уже получила документы на въезд, там стояло evangelische (77-02-D).

Случалось и навязывание религиозной идентификации.

Тут, если ты православный, автоматически записывают как евангелика (11-02-D).

Я богохульник. Атеист. Но по закону я евангелик. Когда в школу пришел, меня спросили: У тебя какая вера? Я ответил: Ну, православная. Они говорят: Ну, значит евангелик. Ладно, евангелик, мне до лампочки (9-02-D).

Официальный статус евангелической и католической церкви проявляется в том, что они являются организациями, тесно связанными с государством и пользующимися его поддержкой. На уровне повседневной жизни это проявляется в существовании т. н. «церковного налога». Члены обеих церквей, официально признающие себя таковыми, платят налог в размере 8–9 % от уровня подоходного налога.

Это еще проблема церковного налога, поэтому тут всех пытаются записать евангеликами. Когда ты приходишь в школу, так все поставлено (9-02-D).

И евангелическая, и католическая церкви активно участвуют в социальной работе, в разных формах благотворительной деятельности. Обе церкви по сути дела взяли на себя часть функций социального государства. Поэтому принадлежность к этим церквям не всегда обусловлена только религиозными убеждениями. Немало немецких граждан, совершенно равнодушных к религии, добровольно платят церковный налог, объясняя это тем, что «*церковь тратит деньги эффективнее, чем государство*».

Если честно говорить, - признается студентка-переселенка, - я вообще не верю в Бога, хотя я пыталась верить. Но все равно я считаю, что это хорошее, не знаю, как сказать Beitrag. Потому что финансируются школы, детские сады. Я считаю, что это нужно (44-02-D).

Многие люди, попав в социальный контекст, в котором, как им кажется, неприлично не принадлежать к какой-то церкви, без особых проблем принимают факт их приписывания к той или иной конфессии без наличия соответствующей веры.

Пишемся католиками. В церкви несколько раз были (41-02-D).

Вы выбрали евангелическую церковь уже здесь? – спрашивает интервьюер молодую переселенку. - Да. Но в России еще это не спрашивалось, если бы нас в России спросили, мы бы сказали – евангелисты. Хотя у нас папа был крещенный в русской церкви... Но я не верю, что он действительно такой верующий человек... По-моему, у него тоже сейчас записано «евангелист», хотя он был крещенный в православной церкви, но ему это все равно. Я думаю, что он об этом никогда не задумывался (44-02-D).

Сам факт переселения создает социальную ситуацию, благоприятную для обращения в веру. Это наблюдается во всех иммигрантских сообществах. Этнические немцы не являются исключением. И люди, бывшие неверующими в СССР, в Германии нередко тянутся к церкви. Особенно это характерно для престарелых людей, пенсионеров. Для них это путь бегства от страха смерти, от одиночества. В престарелом возрасте приходит ощущение надвигающегося прощания с жизнью, что часто сопровождается появлением склонности думать о «вечном», т. е. о шансах на загробную жизнь.

Мои бабушки с дедушками никогда в церковь не ходили, были неверующими. Только сейчас в последнее время окрестились и ходят в церковь. И русская бабушка тоже, а тогда нет. Ничего такого не было (45-02-B).

К присоединению стариков к той или иной церкви толкает и сугубо прагматический расчет: церковь берет на себя похороны своих членов. Это привилегия, на которую независимые и принципиальные атеисты рассчитывать не могут.

Как лютеранская, так и католическая церкви в ФРГ пытаются превратить каждый свой приход в своеобразную общину верующих, объединенных не только периодическим присутствием на богослужениях. Серьезное падение религиозности заставило руководителей этих церквей задуматься о путях замедления этого процесса. Одно из направлений предпринимаемых мер – уменьшение формализации внутрицерковных отношений, поворот священнослужителей лицом к мирским нуждам и чаяниям людей, установление более тесных отношений с прихожанами, оказание им помощи не только в религиозных исканиях. Много внимания уделяется работе с молодежью: здесь религиозная работа и организация досуга тесно переплетаются.

Света из нерелигиозной семьи. Только бабушка верила в Бога и ходила в России в православную церковь. Когда семья переехала в ФРГ, Свете нужно было выбрать урок религии: евангелический или католический. Семья, посоветовавшись, выбрала католический вариант, исходя из того, что он показался ближе к православию, которое в качестве варианта не предлагалось. Потом Свету пригласили в католическую церковь вести занятия с девочками: там говорили о вере, молились, готовились к конфирмации, играли, читали Библию, иногда стряпали. Раз в год ездили от церкви отдыхать – «типа в пионерский лагерь». И Свете такая жизнь нравилась (35-02-D).

Переселенцы, прибыв в ФРГ, получают возможность включиться в дополнительные гражданские структуры именно через свое членство в католической и евангелистской церквях. Они отправляются в кирху, где их с радостью принимает пастор и знакомит с другими прихожанами, подключает к работе своего прихода. Практикующие католики и лютеране в среде переселенцев – это в основном люди пожилого и престарелого возраста. Они уже не работают и в силу этого особенно остро переживают одиночество, отрыв от привычной среды. И посещение церкви для них является способом преодоления изоляции. В то же время избыток свободного времени делает религиозную практику необременительным занятием.

У моей бабушки есть такой круг, потому что у нее была большая потребность общаться, и она пошла в церковь и нашла там такое общение. Это обычная немецкая церковь. И они там не стремятся разделяться, наоборот, то поколение стремится быть настоящими немцами (1-99-D).

Приехав в Германию, в церковь нередко идут и многие пенсионеры, которые прежде никогда не интересовались религией и никаких церквей не посещали. Для них церковный приход – это оптимальный способ преодоления изоляции. А церковная община выступает в качестве своего рода клуба. Через такие общины стираются грани между переселенцами и местными немцами, создаются возможности для общения, которое в иных условиях далеко не всегда возможно.

Родители наши так и на шпяхи [курсы немецкого языка для переселенцев. – В.И.] не ходили, но ходят в церковь [евангелическую. – В.И.] и общаются там с местными (37-02-D).

Представители молодого и среднего поколений евангелистов и католиков к религии, как правило, более равнодушны. Их вера слабо связана с посещением церкви и соблюдением религиозных ритуалов. Соответственно и в интеграции в жизнь Германии роль церкви для них существенно меньше.

*Мы туда только по праздникам... На Рождество, свадьбы, крещение, то есть несколько раз в году (37-02-D).
Что касается нас, то следование традиции проявляется в том, что мы ходим в церковь. Я - два раза в год, на праздники. Если венчание или отпевание, мы тоже идем в церковь. Мы соблюдаем католические традиции и дома: празднуем Рождество и Пасху (72-02-D).*

Порою знакомство с религиозными ритуалами происходило уже после переселения. И их принятие – это символ приобщения к новой культуре большинства.

Когда мы в Германию приехали (это было в декабре), я увидел у тети рождественскую свечку. И спросил, какой в это вкладывается смысл. Мне объяснили. И теперь у нас тоже каждый год, начиная с 1 декабря, на столе стоит рождественская свеча (72-02-D).

Для значительной части молодежи церковь выступает институтом культуры. Сюда ходят 1–2 раза в год посмотреть на красочные богослужения, что является поводом не с Богом пообщаться, а попросту придать торжественную атмосферу празднику. Особенно популярны рождественские богослужения. Церковь – это и музей, и концертный зал.

Если честно сказать, – признается студентка-переселенка, – я вообще не верю в Бога, хотя и пыталась. Но не верю... В церковь я вообще-то часто хожу, но просто так. Мне нравится, как они выглядят, историю узнать, а вера не очень интересует (36-02-D).

В таком подходе к религии переселенческая молодежь ничем не отличается от большинства, вспоминающего о церкви в основном на Рождество. И в этот праздник, сугубо религиозный по своему происхождению, вкладывается совершенно мирской смысл: это повод вспомнить друзей и родственников, напомнить им о своем существовании, обменяться поздравлениями и подарками, посидеть за праздничным столом, отдохнуть от утомляющей повседневности. Однако далекие от религии юноши и девушки идут на Рождество обычно в церкви, к которым традиционно принадлежали их предки.

Менониты Одной из церквей, действующих в Германии, является менонитская. Это социальный институт, активность которого формирует необычно сильное для современного общества социокультурное поле. С одной стороны, оно характеризуется мощной центрированной энергетикой, а с другой – достаточно четко очерченными границами, отделяющими от окружающего большинства.

В силу религиозных преследований еще в давние времена почти все менониты были вынуждены покинуть Германию и расселиться по всему свету. Одним из главных пунктов их иммиграции стала Российская империя, откуда в дальнейшем они стали перебираться в США, Канаду, Латинскую Америку. Сейчас менонитские общины есть на разных континентах, и церковь имеет полиэтнический характер. Однако в России и СССР это была сугубо немецкая церковь. Быть менонитом со 100-процентной вероятностью означало быть также и немцем или немкой.

Менониты имеют веками формировавшиеся традиции общинной жизни в чуждом окружении. В этих условиях сформировалось ревностное отношение к религии, готовность к самопожертвованию во имя служения Богу. Это позволило значительной части менонитов сохранить свою веру в условиях депортации и последующего дисперсного расселения. Поскольку связь менонитской религиозности и немецкой

этничности в СССР была очень жесткой, вера стала одним из ключевых инструментов сохранения и национального самосознания, и национальной культуры. Этноконфессиональное поле менонитов, развиваясь в условиях жесткого внешнего давления, выработало механизмы консервации своего культурного своеобразия. В результате менонитам удалось сохранить язык и традиционную повседневную жизнь в формах, характерных для прошлых веков.

Менониты бежали в Россию, спасаясь от религиозных преследований. В царской России эти надежды длительное время оправдывались. Сбой произошел только в конце XIX в., когда они были лишены привилегии не служить в российской армии. Это подтолкнуло многих к эмиграции в Америку. Оставшиеся в России, а затем в СССР подверглись сильным преследованиям как на религиозной, так и на этнической почве. Религиозные и этнические чувства, будучи одновременно ущемленными, породили мощные репатриационные настроения. Если кто и ехал в Германию «жить немцем среди немцев», так это в первую очередь менониты. Они начали в массовом порядке переселяться в Германию, как только появилась такая возможность. В отличие от многих других групп немцев они редко мучились сомнениями. Крепкие семейные узы, относительно замкнутые своим кругом браки позволяли уезжать всем родом, не разрывая родственных уз, что типично для смешанных семей. Поскольку менониты приезжали с ранней волной переселенцев, то они имели относительную свободу в выборе места проживания.

Когда меня в первом лагере спросили, где я хотел бы жить, я сразу сказал про Билефельд. Ведь тут уже в то время было две церкви наших (7-02-D).

В результате в ФРГ возникли районы компактного поселения менонитов. Среди них ключевое место занимает Билефельд и его окрестности. Здесь построены 12 менонитских церквей, плюс еще их филиалы. Микрополя на уровне приходов переплетаются в региональное социокультурное поле, сила которого во многом определяется высоким уровнем концентрации единоверцев. В свою очередь это поле входит в качестве интегральной части в менонитское поле Германии, а оно – в глобальное поле менонитов, опирающееся на церкви, возникшие во многих странах мира.

В основе менонитского социокультурного поля лежит четкая и ясная культурная программа, опирающаяся на догматическое толкование Библии. Эта программа содержит как целостную картину мира, так и детальное описание норм и ценностей повседневной жизни «настоящего менонита». Эта программа формирует каркас и рамки соответствующего образа жизни членов церкви. Силовое поле возникает в результате интенсивного взаимодействия менонитов прежде всего в ходе регулярно посещаемых богослужений. Значительная часть членов общины ходит в церковь минимум один раз в неделю, существенное число – два-три раза. Такое интенсивное взаимодействие порождает надындивидуальную реальность общины, которая навязывает каждому ее члену формы жизнедеятельности, адекватные менонитской культурной программе. Интенсивность социального взаимодействия возрастает и в силу характерной для менонитов тенденции селиться не только в одном городе, но и своего рода соседскими общинами родственников, друзей, земляков. В результате вся жизнь, исключая время пребывания на работе, оказывается в поле зрения единоверцев. Каждый видит каждого и имеет возможность указать ему на отступления от норм менонитской культуры. При этом возникающее религиозное поле – это не просто внешняя среда. Оно формируется свободной или вынужденной практикой членов общины. Каждый подчиняющийся нормам вносит свой вклад в поддержание энергетики поля: действует сила примера, подражания, заражения, социального принуждения.

Своеобразие образа жизни менонитов, следование многочисленным ограничениям, странным и непонятным для большинства, ведет к тому, что неформальное общение, не связанное с работой, развивается прежде всего в кругу «своих». Причем это неформальное поле формируется уже с детских лет. В результате менонитское поле внутренне интегрируется многочисленными родственными и дружескими узами. Четко прослеживается тенденция к религиозной эндогамии.

Наши в основном женятся на своих (7-02-D).

Менонитское религиозное поле характеризуется не только сильными центростремительными силами, но и процессом постоянного воспроизводства границы, отделяющей его от пространства нового, теперь уже немецкого большинства. Менониты, вернувшись на свою историческую родину, снова оказались меньшинством – религиозным и субкультурным.

Приехав в ФРГ, они обнаружили, что это совсем не та Германия, о которой они мечтали. В ФРГ не осталось и следа от немецкой культуры, которую российские менониты бережно хранили веками, живя в чужой среде. Они оказались чужими немцами, гостями из забытого прошлого, гораздо более чужими, чем большинство других переселенцев, не обремененных стойкими религиозными убеждениями

консервативного толка, регулируемыми не только религиозный ритуал, но и многие стороны повседневной жизни.

Мы видим, - констатирует менонитский проповедник, - что в основном общество развивается так, как нам чуждо (33-02- D).

Менониты отличаются от большинства не только принадлежностью к иной церкви, но и интенсивностью своих религиозных чувств и практик.

Местные не ходят в церковь, только по праздникам или совсем старики (7-02-D).

Для менонитов же посещение церкви, молитвы, чтение Библии – это ключевые элементы повседневной жизни. Для них сакральное и мирское пространства не разделены четко очерченной границей. Готовя пищу, праздничный стол, выбирая одежду, помогая друг другу в больших и малых делах, планируя свое свободное время и семейный бюджет (каждый менонит жертвует существенную часть своих доходов на нужды церкви), они сверяют свои шаги с Библией, с наставлениями проповедника. Для немецкого большинства – католиков, евангелистов или агностиков и атеистов – такая интенсивность и глубина религиозной жизни кажется странной и архаичной. В результате конструируется граница между «своими» и «чужими». И конструируется она со стороны как меньшинства, так и большинства.

До появления переселенцев в Германии уже были менониты, однако они численно серьезно уступают вновь прибывшим (по имеющимся оценкам их в 3–4 раза меньше). И, разумеется, менонитская культура для большинства в стране была неизвестна и незаметна. Поэтому быть менонитом в современной Германии означает с высокой долей вероятности принадлежность к выходцам из СССР. На границу между большинством и этническими немцами, переселившимися с Востока, здесь наслаивается и граница между религиозным большинством и менонитским меньшинством.

Менониты в силу характерной для них этики довольно легко прошли процесс социальной интеграции в жизнь ФРГ. Почти все они владели немецким языком в той мере, которая позволяла сразу же найти место в сфере ручного труда. Они брались за любую работу, избегали сидения на пособиях. Развитое трудолюбие, трезвый образ жизни делали их повсюду желательными работниками.

Иногда работодатели звонят нашим пресвитерам и предлагают работу нашим людям – не для того, чтобы меньше платить, наоборот, платят больше, просто репутация у нас хорошая (33 -02-D).

Менониты, приехавшие в основном в 1980-е гг., быстро вставали на ноги и в социальном плане сливались с местным населением. Их восходящая социальная мобильность порою была такой быстрой и крутой, что возникала настороженность и зависть со стороны местных немцев. Успех объяснялся не только и не столько большими пособиями, которые получали переселенцы, прибывавшие в 1980-е гг. В этом отношении повышенный немецкий патриотизм менонитов принес вполне материальные выгоды: те, кто долго колебался, раздумывал или не мог доказать свою принадлежность к немецкой нации в силу незнания языка и культуры, прибыл в ФРГ, когда и пособия стали намного меньше, и отношение общества к переселенцам изменилось. Менониты опирались также на широкую социальную поддержку своей общины. Это позволяло им строить дом, используя не наемную рабочую силу, что типично для местных жителей, а собственный труд и помощь братьев и сестер своей общины.

Вот я работал. Все разговоры сводятся к тому на работе, где провести отпуск. Они считают, что машину самому отремонтировать нельзя по технике безопасности. Дом строить – надо иметь много денег и нанимать. А сын мой дом построил, я ему помогал. Пока он не строился, на него смотрели нормально, а потом стали коситься, откуда деньги у тебя на строительство дома. Один его прямо достал, откуда деньги, сын повез его в сберкасса – и попросил кассира рассказать все мои условия - кредиты и все прочее. Девушка говорит, да, могу дать кредит и вам. Все то же. Она ему стала рассказывать, какие документы необходимы и все прочее. И тот понял, что это очень тяжелое дело: большие проценты. С тех пор никто больше слова сыну не говорит. Поняли, что тяжело. И работал он в основном сам, стены мы поднимали вдвоем, по субботам друзья-менониты сходятся и помогают. Это тоже отличает местных немцев от менонитов. Я позову двух своих друзей, они позовут своих. Все помогут, единственное, что я им обязан – обед дать, но только не деньги... Моя двоюродная сестра переехала в 1978 году, им нужно перекрыть крышу, я предложил свою помощь, и друзья из церкви тоже, собралось нас человек 15, все соседи смотрели с удивлением. И потом ему сказали: как же ты с ними со всеми рассчитался? (7-02-D).

Гораздо сложнее пошла культурная интеграция менонитов. Они сразу ошарашили местное население экзотической архаикой своих нравов. Возникла культурная граница между «нами» и «ими». Ее режим чаще

всего имеет характер насмешливого отчуждения со стороны большинства, опасливой настороженности меньшинства.

Повседневное столкновение с либеральной культурой большинства порождает необходимость для сообщества менонитов выработать свою линию поведения, которая позволила бы, с одной стороны, сохранить свою религиозную чистоту, но, с другой стороны, быть «нормальными немцами», чья этничность опирается не только на самоидентификацию, но и на признание большинства. На этой почве возникают споры. В их центре, - как говорит один из пасторов,

«вопросы искажения Библии в практической жизни. Вот много дискуссий о том, как мы должны жить в этом мире, меньше дискуссий по чисто теологическим вопросам. Все сводится к практической жизни. К этике. Здесь есть более либеральное изложение, есть более консервативное» (33-02-D).

Граница менонитского культурного поля воспроизводится в форме и насмешек большинства, и открытых конфликтов. Большинство стремится через различные институты, прежде всего систему образования, предъявлять к членам общества однообразные требования, легко вписывающиеся в нормы и стандарты современного немецкого общества. Это не вызывает проблем в отношениях ни с кем, кроме менонитов, чьи нормы повседневной жизни порою противоречат тому, что принято в «большой Германии». Чаще всего конфликты возникают в связи с разногласиями относительно воспитания молодежи. Здесь сталкиваются две власти – родителей и школы.

Вот как менонитский пресвитер описывает один из таких конфликтов:

Недалеко отсюда в городке, который образовался после войны из беженцев-переселенцев, много менонитов, есть теперь там и из России переселенцы. Школа там негосударственная, а от лютеранской церкви, частная, там родители подписывают что-то типа договора, обязательства, что дети будут принимать участие во всех мероприятиях школы. Где-то с 5 класса часто бывают дальние поездки. Учителя там часто плохо за детьми смотрят. Мы считаем, что моральные понятия должны и в повседневной жизни оставаться, а при таких поездках мальчики и девочки вместе спят. Учителя же считают, что это нормально... Детям проводили обучение по профилактике СПИДа, раздавали презервативы, родители были возмущены, потому что менонитских детей учат тому, что секса нужно ждать до брака. Возник конфликт, и школа обозвала родителей фундаменталистами. Детей родители не пустили в поездку, а школа их уволила. Тут уже включилось правительство. Нас поняли, сказали, что школа переборщила. 29 детей тогда из школы выгнали. А вообще затронуты были около 80 детей. Теперь эти дети должны ездить в другой город, чтобы по похожей программе учиться. А транспорт им обязан давать город. Тот начал возмущаться. А в той школе классы стали полупустые. Потом школа немного решила изменить свой курс, потому что надо было выгонять лишних учителей, т.к. новичков у них почти не было. Но конфликт еще не исчерпан. Город давит на школу. А деньги за эту школу на 90 % платит город, поэтому он хочет менять статус этой школы, стать владельцем этой школы (33-02-D).

Содержание учебных программ, их либерализм, ориентация на свободное обсуждение «щекотливых» и «запретных» тем, усиленная поиском эффективных мер борьбы со СПИДом, также провоцирует конфликты между менонитами и большинством.

Моя внучка в школу пошла, книга по биологии - там полностью человек изображен со всеми половыми органами, а это второй класс всего-то. Или нарисовано, как женщина рождает, как головка выходит. Для нас это было недопустимо... Старики наши очень ругаются, прямо с ума сходят... Немцы же местные считают, что надо, чтобы дети знали обо всем таком с юного возраста, тогда, мол, меньше будет искушения, не так быстро захотят это испробовать (7-02-D).

Граница между менонитским меньшинством и большинством обозначается и с помощью внешнего вида членов общины, прежде всего женского пола.

Мы считаем, - говорит пресвитер, - что христиане не должны подражать миру. Тут стиль «секси» очень распространен, особенно среди молодых женщин. А большинство переселенческих церквей имеют здесь консервативные взгляды. Рекомендации даны в Библии, и мы стараемся придерживаться их. Без подробностей, но в Библии написано, что женщины не должны украшаться внешне - золотом и прочим. Внутренние качества должны ее украшать... Женщина не должна так украшаться, чтобы вызывать вожделение. Мы стараемся это наполнить практикой. Рекомендуем не одеваться так, как сейчас молодежь одевается. Здесь очень сильна американизация, и мы как христиане должны трезво смотреть на ситуацию... В Библии написано, что молящаяся женщина должна покрывать голову... А мужчина не должен покрывать... Это связано с авторитетом, жена должна стоять под авторитетом мужа, а муж под авторитетом Иисуса Христа. Кстати, это относится только к замужней женщине, этим она свой авторитет к мужу показывает. И мы не имеем никакого права что-то изменять в Библии, хотя жизнь и изменяется (33-02-D).

Библейские принципы регулируют одежду и девочек из менонитских семей. В результате они оказываются в обычных немецких школах с точки зрения большинства гостями из прошлого. И их символы фундаментальной веры провоцируют напряжение и отчуждение в отношениях как с учителями, так и другими детьми. Особенно четко культурная граница проявляется на уроках физкультуры.

Это, - говорит активный член менонитской общины, - вопрос формы, леггинсы – это сильно обтягивающие штаны. У менонитов же девочки ходят в платьях, и потому наши на физкультуре стесняются. Если девочки приходят в длинных юбках, мальчишки задирают им юбки, чтобы подразнить. У нас нет строгих запретов, но нужно придерживаться, чтобы девочки ходили в юбках, в Библии написано, что женщина не должна носить мужскую одежду (7-02-D).

Постоянный контакт с большинством, стремление избежать с ним конфликтов и минимизировать видимость границы толкают все большее число менонитов к ослаблению жесткости требований в использовании демонстративных символов идентичности. Особенно активно либерализацию менонитских устоев повседневной жизни отстаивает молодежь. Старшее поколение, чтобы избежать переноса разногласий на принципиальные вопросы веры, вынуждено идти на уступки в мелочах, чтобы сохранить неизблемость основ. Часто церковь уходит от определения своей позиции относительно конкретных символов, оставляя этот вопрос на усмотрение семей. В результате в пределах одной и той же общины наблюдается разная степень уступок большинству и отступления от традиционности.

Наша молодежь говорит, что есть мужские и женские джинсы. Но как же тогда отличить женщину от мужчины? У менонитов нет запрета насчет ношения одежды, но каждый должен знать приличия, и уж конечно, в церковь в брюках не приходят. Все должно быть по ситуации: спорт – там можно. И джинсы есть у всех наших девочек, но они их не всегда носят. И длина юбки – не обязательно длинная, надо чтобы было прилично (7-02-D).

Община требует «приличия», оставляя на усмотрение индивида и его семьи интерпретацию этого понятия применительно к каждому конкретному символу. Поэтому вполне естественно, что менонитские повседневные практики оказываются далеко не такими однотипными, как это кажется наблюдающему их издалека большинству.

Сохранить менонитские социокультурные поля в условиях доминирования совершенно иной культуры большинства можно, лишь активно занимаясь социализацией молодежи. И все общины уделяют этому большое внимание. Родители стремятся приучить детей к хождению в церковь с раннего возраста. Сначала это подчинение принуждению, потом – свободная привычка (габитус). Для детей организуются воскресные школы изучения Библии, тут формируется среда для неформального общения детей, растущих в схожей субкультуре, возникают дружеские связи на основе предпочтения, отдаваемого «своим». Для детей и подростков организуются разнообразные кружки, каждые каникулы проводятся выезды в различные места Германии и ближних зарубежных стран. В ходе этих экскурсий и организованного отдыха религия органично вплетается в повседневную светскую жизнь.

Менониты в Германии выделяются своей принципиальной трезвостью. Традиционная для этой страны культура потребления пива и посещения кнайпе для них чужда. Это, с одной стороны, формирует по отношению к ним доверие местных жителей, которые в значительной части усвоили стереотип: «Все выходцы из России – пьяницы». Поэтому иметь соседей менонитов не опасаются, более того, это порою рассматривается как желательный вариант. Но с другой стороны, принципиальный отказ от алкоголя по религиозным соображениям – это символ чуждости, инаковости. Их аргументация против алкоголя выглядит для большинства также архаичной.

В лечебных целях пить можно, на причастии у нас - кусочек хлеба и вино, мы стараемся жить так, как установлено Библией. Нельзя напиваться до того состояния, когда за тебя думает алкоголь. И потом точно нельзя пить тем, чья работа типа шофера. Тут лучше совсем не пить. И менониты, как правило, здесь не пьют вообще. Кроме медицинских целей. У кого-то язва, и он каждый день пьет по ложке спирта – лечится, это можно (7-02-D).

Принадлежность к менонитской церкви играет неоднозначную роль в интеграции переселенцев в жизнь Германии. С одной стороны, менониты, как правило, успешно проходили процесс социальной интеграции. Этому способствовали относительно сносное знание ими немецкого языка, протестантская трудовая этика, трезвость, взаимопомощь.

Менониты, переселяясь, сразу же оказывались в кругу единомышленников, готовых оказать самую разнообразную помощь.

Когда приехали, сразу создали свою общину. Потом построили церковь. И тоже каждое воскресенье, и каждую субботу встречаемся со своими родственниками, знакомыми. Со многими здесь уже познакомился. Тоже с наших сёл многие,

многие есть и из других районов, совершенно новые, которые приехали совсем из другой местности. Из Киргизии, Казахстана (60-02-D).

Погружение в жизнь общины позволяло им избегать различных психологических комплексов, характерных для большинства иммигрантов. Переселяясь в Германию, менониты оказывались в специфическом социокультурном поле своей церкви. Повседневная жизнь разворачивается именно в этом поле, отгороженном от большой Германии культурной границей. В результате менониты обычно социально удачно интегрированы, но в то же время для большинства они странные, непонятные, архаичные люди.

Внутренняя жизнь менонитской общины характеризуется строгим социальным контролем, что уже пугает ту часть молодежи, которая в той или иной мере пропиталась духом индивидуализма и хочет «жить свои умом», «как все вокруг».

Хожу туда [в церковь], но я не член, я некрещеный, - говорит молодой мужчина. - Верующий, но не крещеный... Родители тоже некрещеные. Дедушка с бабушкой крещеные. У нас крестят только с 18-ти лет. Ну и там надо, порядок общины, традиции строгие. Много всякого, что я считаю немножко строговато, наверное... Ну вот, чтобы женщины в брюках не ходили, короткие волосы нельзя, только длинные. Телевизор не смотреть, это еще в России было. Желание креститься есть, конечно, но, как сказать, хотелось бы креститься, посвятить себя Богу, но не креститься для того, чтобы подчиниться руководству вот этой общины и жить по их законам, чтобы делать то, что они считают правильным. Это уже немножко как-то пахнет идеологией... Как советской, там же тоже надо было обещание давать, когда в комсомол вступали, в пионеры, чтобы это было там, выполнять все эти заветы. Так же и у нас, это, когда окрестишься там и даешь обещание, что следовать законам вот именно этой церкви. Для меня просто и другие церкви не чужды. Я, допустим, и евангелическую, и православную, и католическую... Я не вижу в них ничего плохого. А у нас они считаются как бы мирскими (60-02-D).

Менонитские общины стремятся предотвратить размывание границы и выход своих членов в культурное пространство «большой Германии». Предпринимаются попытки вернуть и тех, кто в силу разных причин отошел от общины еще в СССР.

Так, в семье А. мать, выйдя замуж за члена КПСС, отошла от религии. В то же время ее брат остался правоверным менонитом и создал религиозную семью. Когда мать А., уже потерявшая мужа, переселилась в Германию, брат настоял на ее возвращении в лоно менонитской церкви. Она под его давлением приняла крещение и регулярно посещает богослужения, однако глубокой веры у нее нет, и она рассматривает церковь как клуб для общения пожилых людей. Внешне она признает требования общины относительно ограничений в повседневной жизни, но старается по мере возможности сильно не стеснять ими свою жизнь. А. со смехом рассказала, как ее мама прятала телевизор в шкафу на случай проверки активистами общины. Сама же А. - православная, а ее муж католик (5-02-D).

В Германии менонитам удалось организовать гораздо более сплоченные и влиятельные общины, чем в СССР. Эти общины стали сильными социокультурными полями, обладающими немалой силой притяжения. Это позволяет возвращать тех, кто прежде был равнодушен к религии.

Так, Андреас, приехав в Германию, пошел в менонитскую церковь вместе с друзьями - сначала просто ради интереса и за компанию. Потом постепенно заинтересовался религией, затем пришла и вера (2-02-D).

На периферии менонитского социокультурного поля граница размывается: здесь теряется четкая специфика повседневной жизни, построенной на традиционно толкуемых библейских принципах. Здесь находятся в первую очередь те, кто оказался в СССР вдали от мест компактного проживания менонитов, растворился в преимущественно атеистической советской среде. В Германию они прибыли лишь со смутными воспоминаниями о том, что их бабушки и дедушки были менонитами.

Здесь не все менониты посещают церкви, их не очень много, в основном такие, где смешанные семьи. Они уже по-другому смотрят на мир (7-02-D).

На периферии часто прослеживается разное отношение к религии у представителей различных поколений одной и той же семьи. Поэтому при сохранении религиозности старших молодежь выходит из-под их контроля и живет своей жизнью, т. е. в основном «так, как принято в Германии». Есть немало таких, кто помнит, что предки были менонитами, но в их семьях культурное влияние этой среды уже никак не прослеживается.

Нетрадиционные церкви

В современном мире широко распространяются разные евангелические секты или церкви, широко использующие современные технологии психического воздействия на своих членов. На их богослужениях возникает мощное социально-психологическое поле, буквально подавляющее волю к сопротивлению недостаточно сильных индивидов. Эти церкви гибки и адаптируют религиозные ритуалы к потребностям и вкусам современных людей. Это позволяет им привлекать в свои ряды новых членов, многие из которых никогда раньше не интересовались религией. В отличие от традиционных церквей новые конфессии относительно легко находят путь к молодежи. Секты и новые церкви космополитичны по своей природе. Они не связаны с национальными традициями и историей. Их корни – в поверхности современной социально-культурной жизни. Поэтому такие конфессии размывают этнические границы, акцентируя внимание только на религиозных критериях интеграции и дифференциации.

Мы любим всех, наша церковь интернациональная (10-02-D).

Членство в секте никак не влияет на интеграцию в жизнь страны, в немецкую культуру. Секты, несмотря на быстрый рост, все равно остаются маргинальным явлением. Однако переселенцы, оказавшиеся в рядах братьев и сестер, сразу же обретают комфортную микросреду, своего рода социокультурное поле, в котором есть взаимная поддержка, сочувствие, что позволяет быстро обрести равновесие с миром. Между тем это равновесие только с микромиром своей общины, занимающей обособленное положение по отношению к большинству.

Одна из новых сект – «Новое поколение». Ее штаб-квартира - в Риге, но последователи появились уже в нескольких странах, в т. ч. и в Германии. Процесс ее распространения причудлив, часто опирается на случайные события.

Я, - вспоминает пастор, - познакомился через видеокассету с этой церковью... Бог через это нас вывел, познакомил он нас с этой церковью через видеокассету. И когда я поехал и познакомился с этим пастырем [в Риге. – В.И.], я просто увидел потрясающие вещи, и меня это устроило, быть в церкви «Новое поколение» (43-02-D).

В 2001 г. семь выходцев из СССР организовали общину этой церкви. Через год ее богослужения посещали уже несколько десятков верующих. Церковь «Новое поколение» ориентируется в основном на молодежь из бывшего СССР. Отсюда – использование современной музыки, эмоциональные богослужения, обсуждение проблем сексуальной жизни. Для иммигрантов община оказалась уютным местом, где можно быть среди «своих». Однако община «Нового поколения» - это социокультурное поле ограниченного масштаба, находящееся на периферии немецкой жизни, изолированное культурной границей от большинства.

Есть немало общин нетрадиционных для Германии церквей, где преобладают местные немцы. И здесь для переселенцев открывается возможность быстрого и простого знакомства с коренными жителями.

Я бы сказала так, - объясняет девушка, вступившая еще в Киргизии в «Церковь Христа», - что если бы не церковь, то с местными немцами мы вообще бы не общались. Потому что им, наверное, режет уши от того, как мы разговариваем на немецком языке... И если бы не церковь, то не было бы друзей. Вот через церковь у меня сейчас есть много именно немецких друзей, именно местных немцев (42-02-D).

Такие же возможности открывает членство в церквях баптистов, пятидесятников.

Резюме Таким образом, религиозные практики порождают социокультурные поля, оказывающие более или менее существенное влияние на жизнь людей, оказавшихся в их пределах. Ядро таких полей – церковь. Религиозные поля с помощью разных механизмов интегрируются в жизнь большого общества. Поэтому членство в религиозной общине является важным фактором интеграции иммигрантов в жизнь страны. Разные религиозные поля – различные пути интеграции. Евангелическая и католическая церкви – ключевые элементы социальной структуры германского общества, тесно связанные с государством. Членство в этих церквях облегчает сближение переселенцев с большинством. Однако общины этих церквей сильно формализованы, обладают относительно слабым социокультурным и социально-психологическим полями. Поэтому интеграция через них носит весьма поверхностный характер.

Совершенно иную модель представляет менонитское социокультурное поле. Оно отличается высоким уровнем сплочения, социального контроля, взаимопомощи и ориентацией на утверждение «немецкости» своих членов. Переселенцы, попавшие в поле этой церкви, сразу же получают разнообразную и активную поддержку. Однако их быстрая интеграция ограничена автономным и маргинальным полем менонитской церкви, члены которой – преимущественно выходцы из СССР. Поэтому это интеграция в маргинальную

часть культурного пространства Германии. В то же время культурная программа менонитского поля (трудова́я этика, взаимопомощь, трезвость и т.д.) обеспечивает высокие темпы социальной интеграции: получение рабочего места, жилья и т. д.

Схожие механизмы предлагают социокультурные поля новых космополитических церквей. Однако, в отличие от менонитской церкви, они не ориентированы на формирование программы скорейшего превращения своих членов в «настоящих немцев». Этническая проблематика им чужда. Поэтому интеграция через эти конфессии, с одной стороны эффективна, но с другой – это интеграция в маргинальные поля социального пространства Германии, в религиозные меньшинства.

Библиография

- ☑ **Ильин В.И.** Социальное неравенство. М.: ИС РАН, 2000.
- ☑ **Aktuel 2000.** Das Jahrbuch Nr. 1. Dortmund: Harenberg Lexikon Verlag, 1999.
- ☑ **Dietz B.** Deutsche Aussiedler aus der Sowjetunion. Sozialer Hintergrund und Ausreisebedingungen am Ende der achtziger Jahre, Osteuropa-Institut München. Forschungsprojekt "Deutsche in der Sowjetunion und Aussiedler aus der UdSSR in der Bundesrepublik Deutschland". Arbeitsbericht. 1990. Nr. 3.
- ☑ **Kahle W.** Die kirchlichen Gemeinden und die nationale Identität der Deutschen. Unter besonderer Berücksichtigung der Zeit zwischen den Weltkriegen // A.Kappeler, B.Meissner, G.Simon (Hrsg.). Die Deutschen im Russischen Reich und im Sowjetstaat. Köln: Markus Verlag, 1987.
- ☑ **Müller J.S.** Mennoniten in Lippe. "Gotten Volk unterwegs zwischen Verfolgung und Verführung". Milieustudie in einer ethno-konfessionellen Gemeinschaft: rußlanddeutscher Aussiedler. Inauguraldissertation. Universität Bielefeld – Fakultät für Soziologie, 1992.
- ☑ **Wilkiewicz L.** Aussiedlerschicksal: Migration und familialer Wandel. Dargestellt am Beispiel russlanddeutscher Familien in der Bundesrepublik Deutschland. Centaurus-Verlagsgesellschaft Pfaffenweiler, 1989.